

RU

Трагедия У. Шекспира «Макбет» как образец дегуманизации и секуляризации позднего Ренессанса

Стрельникова Л. Ю., Чернова Л. В., Тарасова И. И.

Аннотация. Целью данного исследования является определение особенностей процесса дегуманизации и секуляризации позднего Ренессанса в трагедии Шекспира «Макбет». Образ Макбета отражает гуманистическую идею свободной воли человека, который видит образец в себе и своих устремлениях. Стремясь любой ценой заполучить власть, Макбет обращается к демоническим существам – ведьмам. Демонизм соединяется с политикой, побуждая правителя искать помощи и защиты у потусторонних сил. Научная новизна исследования заключается в том, что трагедия «Макбет» анализируется в контексте философских и эстетических взглядов Шекспира и отражает идеи драматурга о том, что злые намерения коренятся не во внешних социально-политических причинах, а психологически обусловлены стремлением индивида достичь желаемого путем повышения своего статуса независимо от существующих моральных норм и представлений о законе и добродетели. Полученные результаты показали, что в трагедии «Макбет» Шекспир отразил религиозные, политические и духовные противоречия позднего Возрождения, показав, как дегуманизация и секуляризация позднего Возрождения сделали процесс трансформации гуманистических идеалов необратимым и в то же время пагубным для духовного состояния общества в целом.

EN

W. Shakespeare's tragedy "Macbeth" as a model of dehumanization and secularization of the Late Renaissance

Strelnikova L. Y., Chernova L. V., Tarasova I. I.

Abstract. The aim of the study is to determine the features of the process of dehumanization and secularization of the Late Renaissance in Shakespeare's tragedy "Macbeth". The image of Macbeth reflects the humanistic idea of the free will of a person who sees a model in himself and his aspirations. Striving to gain power at any cost, Macbeth turns to demonic creatures – witches. Demonism is combined with politics, prompting the ruler to seek help and protection from otherworldly forces. The scientific novelty of the study lies in the fact that the tragedy "Macbeth" is analyzed in the context of Shakespeare's philosophical and aesthetic views and reflects the playwright's ideas that evil intentions are not rooted in external socio-political reasons, but are psychologically conditioned by the individual's desire to achieve what he wants by raising his status regardless of existing moral norms and ideas about the law and virtues. The results demonstrated that Shakespeare reflected the religious, political and spiritual contradictions of the Late Renaissance in the tragedy "Macbeth", showing how the dehumanization and secularization of the Late Renaissance made the process of transformation of humanistic ideals irreversible and at the same time detrimental to the spiritual state of society as a whole.

Введение

Эпоха Возрождения впитала в себя религиозные, философские, научные и культурные достижения прошлого, наработанные веками, пытаясь объединить существующие знания о мире и человеке в единое целое. Отсюда и многогранность личности эпохи Возрождения, обращенной как к языческой древности, так и к Библии.

Универсальным гением эпохи Возрождения, без сомнения, является также У. Шекспир, чье имя, наряду с Данте, Петраркой, Сервантесом, ознаменовало новый этап в развитии европейской культуры. Актуальность исследования определяется пристальным вниманием к закономерностям культурной и духовной трансформации позднего Ренессанса, в результате которой секуляризация христианской веры привела к дегуманизации и замене христианских ценностей мирскими благами, что нашло отражение в творчестве великого

английского драматурга Шекспира. Возникает необходимость изучения трагедий Шекспира в контексте духа времени, показав, насколько гуманисты сместили центр духовности с христоцентризма на антропоцентризм и все чаще делали выбор в пользу внецерковных, мирских ценностей, полагаясь не столько на Священное Писание, сколько на критический разум.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: 1) охарактеризовать религиозные, политические и духовные противоречия позднего Возрождения, выявив кризисное состояние общества в переломный момент времени; 2) показать, что в трагедии «Макбет» Шекспир акцентирует внимание на причинах духовного кризиса как отдельной личности, так и общества в целом; 3) проследить движение мысли Шекспира, направленное на разоблачение тирании и утверждение христианско-гуманистической морали.

Для реализации поставленных задач применялись культурно-исторический, контекстно-интерпретационный, социокультурный методы.

Материалом для исследования послужили трагедия Шекспира «Макбет», а также другие произведения драматурга, написанные в разные периоды его литературного творчества и отражающие эволюцию его мировоззрения (Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1960. Т. 6-8).

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых (Аникст, 1974; Комарова, 1983; Лосев, 1978; Шведов, 1975; Стрельникова, 2020), а также зарубежных авторов (Хаксли, 2007; Блум, 1998; Holinshed's Chronicles..., 1976). В работе задействованы философские трактаты Н. Макиавелли (2006), М. Монтеня (2006), Ф. Ницше (2007), отражающие тенденцию к дегуманизации и секуляризации сознания и культуры от позднего Возрождения до наших дней.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования при подготовке лекционного курса по английской литературе, курсов лекций по зарубежной литературе эпохи Возрождения, а также для подготовки к спецкурсам и спецсеминарам, посвященным творчеству У. Шекспира.

Обсуждение и результаты

Творчество У. Шекспира пришлось на период кризиса гуманизма во второй половине XVI века, показав «гибель возрожденческой гармонии и неизбежность трагической обреченности возрожденческого индивидуализма» (Лосев, 1978, с. 603). Исследователи отмечают парадоксальный феномен синкретизма европейского Ренессанса, искренне опирающегося на христианство, но также интегрированного в античность и языческие культы. По наблюдениям французского исследователя Ж. Делюмо, «Возрождение оказалось более языческим, но и более христианским» (2006, с. 511). Вера в мир духов и демонов была характерна для всей средневековой Европы, а гуманизм, по мнению Я. Буркхардт, поддерживал веру в предзнаменования, «это массовое помрачение» народного язычества: «...одному осколку язычества, доставшемуся по наследству, он приходит на выручку с другим, подвергшимся литературной обработке» (1996, с. 348).

Театр Шекспира стал огромным увеличительным зеркалом общества и мира, отражающим все аспекты бытия и жизни отдельного человека, вовлеченного в исторический процесс. В период секуляризации католицизма и протестантского раскола Шекспир, следуя гуманистическому направлению мысли, широко понимает религиозность, сочетая христианство с древним язычеством и народными верованиями, оставаясь при этом на католических позициях. Отсюда всеобъемлющий взгляд драматурга на современную жизнь как на неоднозначный и противоречивый процесс течения времени, где нет ничего абсолютного и вечного, а желания одного человека, облеченного властью, часто превращаются во всеобщий закон для мира. Обращаясь к произведениям Шекспира, В. Г. Белинский делает вывод о всеобъемлющем принципе назначения искусства эпохи Возрождения, которое «есть выражение великой идеи вселенной в ее бесконечно разнообразных явлениях» (1959, с. 49). Приоритетом для Шекспира по-прежнему оставалась идея превосходства жизни над игрой как воплощением обмана, лицедейства, он заявлял в «Гамлете»: «...в них только то, / Что *кажется* и может быть игрою; / То, что во мне, правдивей, чем игра; / А это всё – наряд и мишура» (1960, т. 6, с. 17). Народные легенды, баллады, национальная история, древние мифы, словом, все развитые художественные явления сложившейся к тому времени культуры были важны для сюжетов Шекспира. В связи с происходящими социально-политическими изменениями Шекспир стал свидетелем религиозных и идеологических конфликтов эпохи Реформации и периода установления абсолютных монархий. Англия времен Шекспира переживала процесс непрерывной мистификации, театрализации реальности, всеобщего лицедейства в духе римской идеологии эпохи Нерона: «Весь мир актерствует (играет комедию)» (*Totus mundus agit histrionem*), как гласил девиз на фронтоне театра Шекспира «Глобус».

Современные исследователи увидели многогранность и универсальность творчества Шекспира (Блум, 1998; Хаксли, 2007), что возводило его в канон европейской культуры. По словам Х. Блума, каноничность Шекспира отражала его «сверхчеловеческий талант», слова великого драматурга «перемахнули через языковые и культурные барьеры», что позволило ему стать «поэтом для народа» (1998, с. 199), а также эстетическим образцом для последующих поколений художников. Английский писатель и исследователь О. Хаксли (2007), отметил религиозный дуализм эпохи Шекспира, считает знаменем времени то, что «истинная вера в Бога, ангелов и святых предполагает соответствующую веру в Сатану, злых духов и их поборников: ведьм, колдунов и чародеев. Шекспир жил в то время, когда внимание к дьяволу и его сообщникам среди людей было более чем пристальным».

Шекспир отразил в своих произведениях все многообразие существующих народных магических культов и верований, не становясь их приверженцем, но считая язычество неотъемлемой частью культурной и повседневной среды своего времени. Наличие магических знаний проявляется в умении повелевать духами природы, использовать колдовство в своих целях. Поэтому, несмотря на проповеди церковников, в обществе сохраняется вера в языческую магию, алхимию, колдовство, отражающая привязанность человека к дохристианским природным культам. Демонизм вызывал страх, но в то же время его использовали как в повседневной жизни, так и в политических целях для достижения власти. Кроме того, различные виды театрализованных игр были очень популярны среди лондонских горожан, которых привлекали и приводили в ужас фантастические существа из потустороннего мира, поскольку считалось, что в них содержится демоническое искушение и абсолютное зло. Будучи человеком широких взглядов, Шекспир ориентировался не только на религиозные направления, но и, по словам О. Хаксли (2007), на «антологию, компиляцию различных точек зрения, сходящиеся взгляды на человеческую ситуацию, переданные людьми с разными характерами и воспитанием».

В одной из своих самых пессимистичных трагедий «Макбет» (Macbeth, 1606) Шекспир показал политические, духовные и идеологические противоречия своего времени, когда проповедь страха перед загробным наказанием соседствовала с языческим свободомыслием и превознесением человеческой силы и таланта, что привело к ослаблению гуманистических позиций, а в дальнейшем к дегуманизации и секуляризации как общественного, так и культурного сознания. Созданная во времена правления Якова I Стюарта, трагедия «Макбет», по словам А. Аникста, «откликается на идеологическую политику нового короля, выступившего с учеными трактатами о ведьмах и колдовстве» (1960, с. 764). Как потомок Банко, Яков I с гордостью упомянул о своих шотландских корнях, а также о том факте, что именно шотландская династия объединит Англию и Шотландию.

Обращаясь к теме колдовства, Шекспир стремился продемонстрировать лояльность королю Якову, испытывающему пристрастие к демонизму, но в то же время драматург, как заметил А. С. Пушкин, не испытывал «холопского пристрастия к королям и героям» (Пушкин, 1962, с. 303), в иносказательной форме выразив свое отношение к порокам правителей, показывая деспотическую природу верховной власти. Среди исторических источников трагедии – «Хроника Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда (1577), откуда Шекспир неоднократно черпал сюжеты своих трагедий.

Трагический гуманизм на закате эпохи Возрождения показал тщетность усилий прогрессивной части европейского общества, уверенного в торжестве индивидуальной человеческой личности и общечеловеческих ценностей. Задаваясь вопросом, должен ли правитель жертвовать личными желаниями ради государственных интересов, Шекспир имел перед глазами философские и политические теории М. Монтеня и Н. Макиавелли, с точки зрения которых он оценивает личность Макбета. Макиавелли в своем трактате «Государь» (1532) приводит пример авторитарного правления, жестокость которого оправдана интересами государства и продиктована патриотическими чувствами. По мнению Макиавелли, для того чтобы действовать продуктивно, государство не может быть воплощением добродетели: «И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти» (2006, с. 93).

Сюжет трагедии имеет историческую основу. Известно, что Макбет правил с 1040 по 1057 год, придя к власти через убийство благородного короля Дункана. Макбет сочетает в себе архаичный тип племенного вождя, действующего по праву сильнейшего, а также соответствует гуманистической идее свободы воли, выражающейся в своеволии и вседозволенности правителя. Шекспировский Макбет отличается от исторического и представляет собой тип индивидуалистического правителя макиавеллиевского типа, но чуждого патриотических чувств и отстаивающего право личной власти, тем самым предвосхитив ницшеанскую концепцию воли к власти ради нее самой: «...он зло творит, но цель его – лишь собственное торжество» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 59).

С точки зрения гуманизма недопустимо использовать человека как средство для достижения индивидуальных целей, что делает Макбет, цинично игнорируя общественную мораль и уничтожая конкурентов на пути к верховной власти. Поведением Макбета управляют амбиции, в духе Макиавелли он считает, что прокладывать путь к власти с помощью насилия – «дело естественное и обычное», и если правитель может применить силу, ему «редко грозит неудача» (2006, с. 58). Социальное равновесие, согласно Макиавелли, достигается балансом разнонаправленных сил «жестокости и милосердия», а значит, «государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти» (2006, с. 96). Действия Макбета нарушают макиавеллиевскую формулу власти, когда в конце трагедии его называют тираном, в чем Шекспир видит причины его падения и гибели: «...не из любви, а лишь из страха люди ему покорны» (1960, т. 7, с. 88).

Трагедия Макбета – в отступлении от гуманистических качеств правителя, что интуитивно понимает и он сам, сознательно подавляя в себе добрые качества: «...друзей, почета и вниманья – / Не вижу я; зато вокруг одни проклятья...» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 90). В Макбете идет вечная борьба за выбор между добром и злом, но он следует логике своего выбора: «Кто начал злом, тот и погрязнет в нем» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 50).

При определении природы власти Шекспир также исходил из суждений французского католического философа и эпископа М. Монтеня о моральных принципах правления. Сформировавшись в период религиозных войн между католиками и гугенотами, Монтень был противником социальных потрясений, связанных с междоусобной войной, считая, что именно правитель несет ответственность за благополучие граждан, иначе «добрые качества земных владык мертвы» (2006, с. 436). Создавая образ Макбета, Шекспир опирался на идею несовместимости тирании и гуманизма, соглашаясь с пессимистическими оценками Монтеня о достойном правителе: «...достойно царствовать» – «самое тягостное и трудное на свете дело» (2006, с. 433).

В Макбете все качества доведены до крайности, полярные категории разрушены, «грань между добром и злом» стерта (Шекспир, 1960, т. 7, с. 8), что позволяет говорить о невозможности какого-либо компромисса с ним. Макбет теряет моральные ориентиры и устанавливает для себя социальные и этические нормы, становясь воплощением абсолютного зла. Не имея возможности претендовать на верховную власть по наследственному праву, он следует своему человеческому желанию, продиктованному не столько гуманистической идеей достоинства личности, сколько правом на собственную исключительность: «Я смею все, что смеет человек, / И только зверь на большее способен» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 25). Находясь в пограничном состоянии между животным и человеческим, Макбет подавляет «божественное» начало самоценной личности и высвобождает свою страстную натуру, которая не сдерживается ни этическими, ни религиозными институтами, демонстрируя тем самым гибель возрожденческого титанизма и наступление дегуманизированной и секуляризированной эпохи, для которой, по замечанию А. Ф. Лосева, «последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствовавшая себя личность» (1978, с. 137). В амбивалентной природе Макбета добро и зло, прекрасное и уродливое сливаются именно потому, что в нем человеческое (телесно-животное) величие превзошло богоподобную (духовную) его часть, поддающуюся страстям и гордыне самовозвышения. Естественная натура Макбета характеризуется добродетельными качествами, он «от природы молочной незлобностью вспоен» и «хочет быть в чести, оставшись чистым» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 20), но благородная натура еще не означает присутствия в ней духовного, богоподобного начала. Макбет, по верному замечанию В. П. Комаровой, «принадлежит к тем героям Шекспира, которые совершают преступления как бы вопреки своей природе» (1983, с. 125). Действительно, Макбет поначалу колеблется, в его душе идет внутренняя борьба между богоподобной сущностью и дьявольским искушением, но жажда власти разрешает дилемму в пользу личных притязаний на верховную власть: «Я решение принял, / Напрягся и готов на страшный шаг» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 26).

Ренессансный дуализм расширил границы восприятия мира человеком, предложив ему свободу выбора, в чем и заключается противоречие в постижении противоположности добра и зла. Выбрав преступление убийства, Макбет приписывает ему положительное содержание, поскольку оно дает ему возможность достичь высот власти, а значит, он подтверждает неизменность своей греховной природы: «Если б злодеянье, / Все следствия предусмотрев, всегда / Вело к успеху и одним ударом / Все разрешало здесь» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 23). Парадокс стирания «границ меж добром и злом» Шекспир вкладывает в уста ведьм, сеющих зло в душах, это говорит о том, что драматург не занимал двойственной позиции по отношению к этим категориям. Размышляя о взаимозависимости добра и зла, Шекспир отразил в образе Макбета не только католическую версию греховности, он опирается на существовавшие в его время философские взгляды на человека. Гармония между человеком и миром оказалась иллюзией именно из-за самонадеянности гордой личности, слишком уверенной в своем величии. Макбет воспринимает свободу как вседозволенность, а не право выбора, что было характерно как для раскрепощенного гуманистического сознания, так и для языческой страстности.

Полагаясь на свою человеческую волю, Макбет выразил, по словам Ж. Делюмо, «все антихристианское течение, которое должно было завершиться в творчестве Ницше» (2006, с. 482), выставив вперед сверхчеловека, презирующего все человеческое. *Стремление к абсолютной власти посредством кровавых преступлений не только искажает благородную природу Макбета, но и поощряет уничтожение себе подобных, что заметит благородный Росс: «О властолюбье, / Ты пожираешь то, чем ты живешь!»* (Шекспир, 1960, т. 7, с. 42). Макбет свободен в своей личной морали, он действует и добивается своего, что соотносится с рассуждениями Макиавелли о тактике активного правителя: «...государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра» (2006, с. 92). После убийства короля Дункана Макбет действует скрытно, коварно, наносит удары не напрямую, как воин в открытом бою, а рубит свои часто беззащитные жертвы, как палач. Он расправляется с семьей Макдуфа, не щадя леди Макдуф и ее сына. Вчерашние соратники отворачиваются от Макбета: «В неисчислимых адских легионах нет дьявола гнусней Макбета», – говорит Макдуф (Шекспир, 1960, т. 7, с. 76).

Макбет сочетает в себе понятия «властолюбия» и его слуги «злодейства», поэтому считает, что все средства хороши ради сохранения власти: «По мне все средства хороши отныне: / Я так уже увяз в кровавой тине, / Что легче будет мне вперед шагать, / Чем по трясине возвращаться вспять. / В мозгу мой страшный план еще родится, / А уж рука свершить его стремится» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 59). Наступает время, когда совесть, как голос Бога в человеке, подавляется «бледным страхом» показаться слабым правителем и неуверенным в себе человеком. Совесть овладевает человеком против его воли и превращается в карающую силу для Макбета и его жены. Шекспир облакает муки совести в метафорические образы зловещих призраков – окровавленного кинжала, «детища горячего мозга» (1960, т. 7, с. 29), предупреждая Макбета о преступном шаге, когда еще можно было остановиться: «...и наяву мой замысел кровавый // Моим глазам мерещится» (1960, т. 7, с. 29). Затем следует появление призрака убитого Банко, что усиливает муки совести у Макбета, и он понимает, что ему придется отвечать перед Высшим судом: «А это страшнее, чем убийство» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 56). После превращения в дьявола-мучителя совесть нисходит на Макбета, заставляя его ожидать возмездия в страданиях. Однако страх Макбета исходит не от раскаяния или понимания своей греховности, он помнит обратную сторону пророчества и мучается бесплодностью своих усилий на пути к трону. Трагическая ирония заключается в том, что результат действий Макбета оказался противоположным его желаниям, и он себя «погубил для внуков Банко», проложив дорогу к власти роду Банко, «чтоб трон достался им, потомкам Банко!» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 45).

Ведьмы становятся внешней силой, гарантирующей Макбету успех на пути к верховной власти. Ведьмы – это отверженные духи, они действуют как те языческие лжепророки-соблазнительники, от которых Священное

Писание предостерегало христиан: «...берегитесь, чтобы кто не прельстил вас... И многие лжепророки восстанут, и прельстят многих» (Мф. 24: 4, 11). Обращаясь к колдовству, Макбет верил, что сама судьба в лице ведьм направляет его к высшей власти: «Пускай судьба, мне посулив венец, / Сама меня венчает <...>. Будь что будь! / Мы время вспять не властны повернуть» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 15). Не слушая предостережений Банко о том, что «орудья тьмы предсказывают правду / И честностью прельщают в пустяках, / Чтoб обмануть тем легче в важном деле» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 15), Макбет поддается обещаниям ведьм, которые сулят ему титул короля: «Да славится Макбет, король грядущий!» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 12). Макбет открывает перед собой безграничную моральную свободу, не признавая истинного содержания предсказаний, предрекающих гибель ему и возвышение рода Банко: «В потомстве, по смерти ты – король!» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 14). Успокоившись обманными пророчествами ведьм о том, что «Макбет для тех, кто женщиной рожден, неуязвим», и он будет «несокрушим», «пока на Дунсинанский холм в поход Бирнамский лес деревья не пошлет» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 67), Макбет уверен в победе, не видя трагизма своего положения, принимая видимое за реальное. Самонадеянно считая, что лес «не наймешь, как войско», «стволы не сдвинуть с места никому», он становится жертвой самообмана, получив результат, противоположный его намерениям.

Но действует он вначале не самостоятельно, а побуждаемый женой леди Макбет: «Я в уши / волью тебе свой дух и языком / Смету преграды на пути к короне, / Которой рок и неземные силы / Тебя венчали» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 20). В отстаивании права на королевский трон Макбету помогает леди Макбет, эмансипированная женщина своей эпохи, презирующая слабость и рвущаяся к власти, как и ее муж. Она подавляет в своем муже последние человеческие чувства, разжигая в нем, подобно Еве-искусительнице, греховные страсти: волю к власти и алчность: «Сверши – и все твое!» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 20). Леди Макбет молится о помощи языческим потусторонним силам и призывает «невидимых демонов убийства»: «Ко мне, о духи смерти! Измените / Мой пол. Меня от головы до пят / Злодейством напитайте» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 21). Она выстраивает стратегию действий убийства короля Дункана, подобную хитрости библейского змея, ей не ведомы угрозы совести: «Ты должен, / Всех обмануть желая, стать, как все: / Придать любезность взорам, жестам, речи, / Цветком невинным выгладеть и быть / Змеей под ним. Прими радушно гостя / И положишь всецело на меня / В великом деле предстоящей ночи, / Чтoб наслаждаться властью и венцом / Все дни и ночи мы могли потом» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 21-22). Прямое, но постоянно увеличивающееся зеркало совести отражает демоническую природу леди Макбет, которую также достигает возмездие на земле, превращенной ею и Макбетом в адское место. Впав в безумие от своих страстей, властолюбивая леди Макбет перестает контролировать себя и воспринимать реальность, пытаясь смыть кровавые пятна убийства: «Прочь, проклятое пятно, прочь, говорю я тебе!.. В аду темно?.. Чего нам бояться, что об этом узнают! Власть будет наша, и никто не посмеет призвать нас к ответу» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 85). Умение Шекспира видеть все противоречия человеческой природы отметил В. Г. Белинский, сказав, что драматург «представил в Макбете человека, сделавшегося злодеем по слабости характера, а не по влечению ко злу, а в леди Макбет – злодейку по чувству» (1959, с. 47).

С момента грехопадения первых людей, согласно католическому учению, в мир вошло зло, допущенное человеком как творением Божиим, в результате чего идеал Богоподобного человека, утратившего совершенство и искаженного грехом, окончательно рухнул, как признает это и Макбет, потеряв способность молиться: «Что не дало мне вымолвить “аминь”? / Молитвы я алкал, но комом в горле / “Аминь” застряло» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 31). Темная сторона его души, разбуженная леди Макбет, открыта для злодеяний, он привыкает к ужасам, которые совершает, чувствуя в себе силу воли, стремясь к неограниченной власти: «Но ужасами я так уже пресыщен, / Что о злодействе думать научился / Без содроганья» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 93). Неизбежность возмездия как действия Бога по отношению к грешнику вызывает у Макбета страх. Но он боится не греха, а силы закона мести за убийство при его жизни: «Но ждет нас суд уже и в этом мире... / Возмездие рукой бесстрастной чашу с нашим ядом / Подносит нам же... / ангелы господни вострубят / К отмщенью за смертный грех убийства» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 24). Судьба-возмездие, интерпретируемая Шекспиром как в языческом, так и в христианском смысле, неумолимо ведет Макбета к расплате, предопределив его неминуемое будущее, предсказанное ведьмами: «Забыв про мудрость, честь и стыд, / Он страх, судьбу и смерть презрит, / И гибель ждет его, как всех, / Кто слишком верит в свой успех» (1960, т. 7, с. 60). Чем выше Макбет поднимается к власти, тем ниже его духовное падение, сопровождающееся разочарованием в жизни и ощущением ее ужаса и бессмысленности из-за внутреннего чувства краха и невозможности полностью реализовать претензии на абсолютную власть: «...это повесть, / Которую пересказал дурак: / В ней много слов и страсти, нет лишь смысла» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 94).

Образы Макбета и его жены свидетельствуют о смене идеологической парадигмы, знаменующей начало новой эры социальной эмансипации и религиозной секуляризации, исходящей из понимания сущности человека как свободной личности, субъектность которой направлена на установление предписаний действовать в соответствии со своей волей. Предвосхищая бесчеловечную идеологию Ф. Ницше, Шекспир определил один из главных мотивов активной личности – ее стремление к власти как перспективу самовозвеличивания и самоутверждения: «Каждое специфическое тело стремится к тому, чтобы овладеть всем пространством, возможно шире распространить свою силу (воля к власти) и оттолкнуть все то, что противится его расширению» (Ницше, 2007, с. 873). Легитимность власти прямо пропорциональна силе того, кто претендует на управление государством: «Кто владеет государством, владеет и законом» (Комарова, 1983, с. 20). Макбет руководствуется сформулированным Макиавелли принципом достижения власти любыми средствами.

Шекспир понимал, что героизм больше не был характерен для его эпохи, и величие человека пало под тяжестью его греховной природы, спасение лежит в милости Верховного Суда: «...все грешны, все прощенья

ждут. // Да будет милостив ваш суд», – скажет Просперо в поздней пьесе драматурга «Буря» (1960, т. 8, с. 212). Христианская пронизательность Шекспира, характерная для периода его трагического творчества, не позволила ему героизировать Макбета. Вслед за М. Монтенем Шекспир показывает трагическую неразрешимость конфликта «между политикой и человечностью» (Комарова, 1983, с. 20), уповая на христианское воздаяние за греховное состояние. Смерть Макбета не случайна и предопределена божественной справедливостью и вселенским судом: «Теперь Макбет созрел и провиденье / Уже взялось за серп», – заключает Малькольм (Шекспир, 1960, т. 7, с. 83).

Исполненный грехами властолюбия и эгоизма, Макбет оказался в трагическом конфликте с миром и самим собой, показал неспособность творить добро и бессилие воли. Идея божественного возмездия как обязательного ответа человека перед Богом за свои грехи воплощена в Макдуфе, «не женщиной рожденном» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 95). Макдуф выступает своего рода карающей десницей Бога и колесом судьбы, которое вершит правосудие над тираном: «Судьба, / Сведи нас с ним! О большем не прошу» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 96). Поверив «коварным бесам», Макбет гибнет от собственной гордыни, не имея веры, он уповаet на свой разум и силу, полагая, что все в его руках: «Мой разум тверд...» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 89), не понимая, что сам направляет себя к разрушительным целям. Злодеяния Макбета ставят пределы его холодным расчетам достижения земных благ, что приводит к краху честолюбивых планов героя: «Так в каждом деле. Завтра, завтра, завтра, – / А дни ползут, и вот уж в книге жизни / Читаем мы последний слог и видим, / Что все вчера лишь озаряли путь / К могиле пыльной. Дотлевай, огарок!» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 93).

Шекспир сумел понять и осмыслить трагедию своей эпохи, которая определялась духовными приоритетами в предпочтении индивидуализму и языческому антропоцентризму и противостоянии духу христоцентризма, в котором реализовался союз Божественной и человеческой природы. Жизненный опыт Шекспира привел его к убеждению, что «достойным царствования... может быть лишь благородный правитель, соблюдающий меру в своем могуществе» (Стрельникова, 2020, с. 230).

Драматург проповедует идею примирения в обществе, опираясь не столько на философию, сколько на народную христианскую мораль как источник мудрости и наставничества для правителя: «Благослови Господь / И вас и всех, кто хочет вместе с вами, / Чтоб стало зло – добром, враги – друзьями», – говорит шотландский старик, исповедуя христианскую любовь к человеку (Шекспир, 1960, т. 7, с. 42). Оставаясь приверженным монархии и законной власти, Шекспир представляет образец идеального правителя в лице Малкольма, законного наследника Дункана. Гуманный Малкольм «правду любит, как жизнь» (Шекспир, 1960, т. 7, с. 70), он дарит любовь друзьям, побеждает врагов и начинает, с Божьей помощью, строительство сильного, справедливого государства.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что взгляды Шекспира на общество и человека своего времени были не столь однозначны. В поздний период творчества Шекспир выразил разочарование в своем времени, что подготовило почву для реализации ницшеанской идеи «Бог умер» и человек расчеловечился, исказив в себе богоподобный образ, став ближе к животному состоянию. Но при всем пессимизме шекспировского взгляда на современную эпоху драматург не отказывается как от гуманистического, так и от христианского отношения к человеку, следуя прежде всего народной морали и сохраняя, по словам А. Аникста, «дух народного стремления к правде и справедливости» (1974, с. 502). В своих притязаниях на верховную власть Макбет не смог понять, что за высоким статусом любого правителя скрывается обычный человек с присущими ему слабостями и страстями. Взяв на себя великое бремя правления как король, Макбет не смог справиться с ним как человек, уверовав в свою исключительность человекобога. Трагедия Макбета стала зеркалом дегуманизованного и секуляризованного европейского общества эпохи кризиса Возрождения. Циклы истории и смена одного правителя другим показывают величие и слабость монархов. Лишенные своего властного прикрытия, они оказываются обычными людьми, беззащитными, боящимися смерти. На примере судьбы Макбета Шекспир показал, как проявляется Божественное провидение, а также извилистый путь Фортуны, по прихоти которой падают правители, вознесенные на самую вершину власти.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в актуализации в настоящее время направления неошекспиризации, основанного не только на изучении творчества драматурга, но и ориентированного на осмысление проблем, связанных с эволюцией его взглядов, для более глубокого освещения различных аспектов произведений, а также особенностей личности Шекспира.

Источники | References

1. Аникст А. А. Послесловие к «Макбету» // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1960. Т. 7.
2. Аникст А. А. Ремесло драматурга. М.: Советский писатель, 1974.
3. Белинский В. Г. Литературные мечтания. Эстетика и литературная критика: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1959. Т. 1.
4. Блум Х. Западный канон. Шекспир как центр канона // Иностранная литература. 1998. № 12.

5. Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996.
6. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
7. Комарова В. П. Шекспир и Монтень. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983.
8. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978.
9. Макиавелли Н. Государь. М. – Харьков: Эксмо; Фолио, 2006.
10. Монтень М. Опыты: в 2-х т. М. – СПб.: Эксмо; Terra Fantastica, 2006. Т. 1.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Мн.: Харвест, 2007.
12. Пушкин А. С. О романах Вальтера Скотта // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 6.
13. Стрельникова Л. Ю. Любовь и закон в комедии У. Шекспира «Мера за меру» и поэме А. С. Пушкина «Анджело» // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4.
14. Хаксли О. Шекспир и религия. 2007. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/haksli/shex_rel.php
15. Шведов Ю. Ф. Эволюция шекспировской трагедии. М.: Искусство, 1975.
16. Holinshed's Chronicles. England, Scotland and Ireland: in 6 vols. / with a new introduction by V. F. Snow. N. Y.: AMS press, 1976. Vol. 1-6.

Информация об авторах | Author information

RU**Стрельникова Лариса Юрьевна**¹, к. филол. н., доц.**Чернова Любовь Викторовна**², к. филол. н., доц.**Тарасова Ирина Игоревна**³, к. филол. н., доц.^{1, 2, 3} Армавирский государственный педагогический университет**EN****Strelnikova Larisa Yurievna**¹, PhD**Chernova Lyubov Viktorovna**², PhD**Tarasova Irina Igorevna**³, PhD^{1, 2, 3} Armavir State Pedagogical University¹ lorastrelnikova@yandex.ru, ² lolache@mail.ru, ³ tar.irin.2013@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): У. Шекспир; дегуманизация; макиавеллизм; макиавеллизм; демонизм; секуляризация христианства; W. Shakespeare; dehumanization; Machiavellianism; demonism; secularization of Christianity.